

Иван Александрович Гончаров

В. Н. Майков

**Гончаров Иван
Александрович**

В. Н. МАЙКОВ

На нынешний раз мы должны начать наш русский фельетон очень печальной новостью. 15 числа прошедшего месяца скончался, по несчастному случаю, в 50 верстах от Петербурга, Валериян Николаевич Майков, сын известного художника и брат поэта, — на 24 году от рождения. Он с семейством своим отправился на несколько дней в деревню к знакомым и на другой день по приезде туда, разгоряченный продолжительною прогулкою, стал купаться в пруде и умер там внезапно от апоплексического удара.

Сообщая это печальное известие нашим читателям, мы долгом считаем сказать несколько слов о покойном, тем более что имя Майкова 2-го почти не было известно публике, между тем как с половины прошедшего года в «Отечественных» записках», а в последнее время и в «Современнике» появлялись его статьи по части критики и библиографии, обратившие на себя внимание публики.

В. Майков вступил на поприще обществен-

ной деятельности в то время, когда другие сидят еще на школьной скамье. Быстрым и ранним развитием своих прекрасных способностей он обязан был, во-первых, природе, которая так же щедро наделила его дарами своими, как и прочих, известных уже публике членов его семейства; во-вторых, разумному, свободному, чуждому застарелых, педантических форм первоначальному воспитанию, которое получил он в своем домашнем кругу. После такого образования, совершившегося среди дилетантов наук и искусств, В. Майков перешел уже к строгому и методическому учению в Петербургском университете, откуда по окончании курса и выпущен кандидатом. Вскоре после того он вступил в службу по Министерству государственных имуществ, но слабое от природы здоровье, не подкрепляемое телесными упражнениями, — ибо весь избыток сил принесен был в жертву умственной жизни, — не устояло против постоянных служебных трудов. В. Майков принужден был выйти в отставку и ехать для восстановления здоровья за границу. Но любовь к науке и труду никогда не покидала его. Продолжая зани-

маться историею и политико-экономическими науками, он пристрастился к философии и изучал новейшую философию, преимущественно немецкую. Как любознательный человек, он успевал заглядывать в область наук и другого разряда: урывками учился химии; как человек с душой, страстно любил искусство во всех его видах и отраслях и изучал его теоретически и практически, дома и за границею. Знание трех языков делало ему доступным чтение всех замечательных произведений по части наук и изящной словесности. Слабость здоровья, препятствовавшая ему просиживать по несколько часов на службе, отнюдь не мешала, однако же, предаваться любимым занятиям. Одаренный умом светлым, проницательным и восприимчивым, он с необыкновенною легкостью приобретал познания, и едва ли кому так дешево досталось бы звание ученого, как ему.

Учась, он не запирался от людей, не прятался от общества, избегал малейшего педантизма и всякого внешнего признака учености. Он ловил знания всюду, на лету, в разговорах, почерпал из книг, и часто серьезная

мысль заставляла его в кругу приятельском. Он тут же легко и увлекательно развивал ее и, обладая вполне даром слова, умел придать ей общую, всем доступную занимательность. Ему довольно было одного намека на идею, и он быстро усвоивал ее себе, тотчас подвергал ее своему врожденному тонкому анализу и мгновенно делал из нее какой-нибудь блистательный, часто неожиданный, но всегда строго логический вывод, избегая с необыкновенным искусством всего, что есть парадокс и софизм. Так точно достаточно было ему легкого очерка целой системы, чтобы силою своей мыслящей способности покорить ее своему ведению и приложить в данном случае к делу. Важное и глубокое творение мыслителя-философа он читал с такою же легкостью, как и произведение беллетриста, где и когда угодно, не запираясь в кабинете, не завешивая окон и т. п. При нем в то время можно было говорить, шуметь: ум его ненарушимо делал свое дело и, несмотря ни на какую помеху, достигал цели.

Еще в ранней молодости В. Майков острою и меткостью своих суждений о произве-

дениях наук и искусств обнаруживал будущий критический талант. Известные публике из двух журналов опыты его в этом роде, в такие лета, когда другие еще не успели проститься со школьными тетрадами, — подтвердили проявившиеся в юноше надежды и обещали блистательные плоды в будущем. Судя по этим прекрасным началам, по трудолюбию, по многостороннему образованию Майкова и еще по тому, что развитие его способностей далеко не совершилось вполне, — можно с достоверностью заключить, что ему суждено было пополнить именем своим небольшое число наших истинных, призванных критических талантов высшего разряда... Напомним нашим читателям написанную им одну из первых статей «Общественные науки в России». Статья 1-я напечатана была в «Финском вестнике» в первом году его существования. После того Майков прекратил свое участие в этом журнале, и продолжения этой статьи не было. Вот перечень главнейших его статей, помещенных в «Отечественных записках» 1846 и 1847 годов. В критике: «Стихотворения Кольцова» (две статьи);

«Краткое начертание истории русской литературы»; «Романы Вальтер-Скотта». В библиотеке: «Беседа русского купца о торговле» (две статьи); «Мысли о существе и значении чиновничьего быта»; «Руководство к всеобщей истории, соч. Лоренца»; «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым»; «Критическое исследование о значении военной географии и военной статистики»; «О земледелии в политико-экономическом отношении»; «Об источниках и употреблении статистических сведений»; «Постепенные упражнения в сочинении г-на Чистякова» и проч., и проч., и проч.... Участие В. Майкова в «Современнике» началось незадолго до его смерти; ему принадлежат: разбор комедии г-на Меншикова «Шутка», разбор «Путешествия в Черногорию» и боольшая часть статьи о «Справочном энциклопедическом словаре».

Отличительные достоинства этих статей В. Майкова — строгая последовательность в развитии идей, логичность и доказательность положений и выводов, потом глубина и верность взгляда, остроумие и начитанность; недостатки — излишняя плодовитость и

непривычка распоряжаться богатством своих сил, недостаток, свойственный молодости, о чем и было уже однажды замечено в нашем журнале по поводу его статей, наконец, раздробленность и местами слишком тонкая и отвлеченная изысканность анализа.

На это нам могут возразить, что самые лета В. Майкова не позволяют думать, чтобы он обладал необходимою для критического суда степенью опытности. Но неужели не пора перестать думать, что не число лет, даже не ряд событий, случаев и т. п. делают человека опытным? Можно быть 50-летним ребенком и 25-летним стариком. Для приобретения опытности нужно то волшебное стекло, которое дает природа и сквозь которое проходят перед глазами время и дела. Это стекло — наблюдательный, аналитический ум, ведущий к сравнению и проверке всего вращающегося около нас.

Сколько есть людей, над головами которых пронеслись великие события и которые не вынесли никакого заключения о них; сколько, напротив, других, которые в тиши кабинета, по окружающим их ничтожным и

мелочным обстоятельствам, научились судить мировые дела и случаи.

Вот всё, что следовало бы сказать о Майкове для публики: так краток был путь его общественной деятельности. Но если иногда до сведения ее доводится и не считается недостойною ее участия биография лица, не отличенного ни талантом, не ознаменовавшего своей жизни ни каким-нибудь заметным трудом, но достойного памяти только по своей прекрасной личности, по характеру, украшавшему круг, в котором оно жило, то и с этой стороны Валериян Майков более всякого другого имеет права на почетное упоминание. Есть два рода сожаления, которым общество напутствует человека в могилу. Одно есть не что иное, как сознание утраты даровитого и полезного деятеля: на это сожаление имеет право всякий, участвовавший в общественных интересах, другое есть боль сердца, оплакивающего потерю любимого человека. В. Майков, в цвете лет, успел приобрести право на тот и на другой род сожаления. В нем соединялись две не всегда уживающиеся вместе одинаково счастливые организации — го-

ловы и сердца. Ему так же легко и доступен был путь к сердцу всякого, с кем судьба сталкивалась его, как и дорога к знанию. Он, сближаясь с человеком, прежде всего умел найти в нем добрую сторону, полюбить ее и дать ей вес в глазах того человека и в своих собственных. Но он делал это не с умыслом, даже не сознательно и не с расчетом, как делают иные от избытка осторожности, страха или уменья жить с людьми, но по нежному, благородному природному своему инстинкту. По кратковременности его жизни, чувства не успели выработаться в нем до степени притворства: это были чистые, юношеские порывы, проистекавшие из прекрасной его натуры. Нельзя думать, чтобы от его тонкого и наблюдательного ума ускользали недостатки человека, нет, но кротость и почти женская мягкость его сердца внушали ему удивительную терпимость и снисхождение к ним. Никогда и никто не слышал от него едкого и желчного отзыва, какого-нибудь резкого, решительного приговора не в пользу другого. Никто не замечал в нем враждебного расположения к кому-нибудь. Он старался или из-

винить или смягчить замеченную им нравственную уродливость или, если это было уже решительно невозможно, выражал свое невыгодное мнение улыбкой сожаления, иногда иронии, редко словом. Надобно было видеть его беспокойство, когда он думал, что мог возбудить в ком-нибудь неудовольствие к себе: как он заботился изгладить всякий неприятный след и кто бы не простил ему! Мудрено ли, что он сразу вызывал у человека привязанность к себе, что этими редкими свойствами он приобрел себе многочисленных друзей и что смерть его поразила их как двойная утрата — умного, даровитого деятеля и доброго, нежного, благородного друга.

Тело его погребено 18 июля в слободе Ропше, в 38 верстах от Петербурга, на церковном кладбище. На этих похоронах не было ни одного праздного наблюдателя, ни одного охотника позевать на чужое горе, ни даже равнодушного свидетеля. Никто не явился и по долгу приличия с прилично-печальным лицом, в прилично-печальном костюме: для приличия была приличная отговорка не быть — 40 верст расстояния. Было несколько литерато-

ров, но все они находились в личных сношениях с покойным и, следовательно, неизбежно любили его, потому что знать и не любить его было невозможно. Они отдавали грустный долг ему как собрату по занятиям и, может быть, еще более как человеку. Была и горько, единодушно плакала одна пораженная нежданном горем семья родных и друзей. Место, где покоится В. Майков, тихо, уединенно и живописно. День похорон — был прекрасный, жаркий день; всё кладбище усажено тенистыми деревьями, между которыми воздвиглась свежая могила. К ней уже бежали дети: и солнце, и дети, и деревья — всё резко напоминало слова поэта:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять!..*